

А.Д. Киселев

Психологическое основание уголовной ответственности

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 34
ББК 67
А11

А11 **А.Д. Киселев**
Психологическое основание уголовной ответственности / А.Д. Киселев – М.:
Книга по Требованию, 2016. – 317 с.

ISBN 978-5-518-06639-7

ISBN 978-5-518-06639-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ.

1. Подъ уголовной отвѣтственностью мы понимаемъ вѣняемость и виновность того, кто былъ физическимъ исполнителемъ преступленія. Признавая подсудимаго уголовно-отвѣтственнымъ, судья отыскиваетъ у него известное внутреннее отношеніе къ событію преступленія (вѣняемость, виновность), принимаетъ въ соображеніе побужденія субъекта, вообще считается съ духовной личностью преступника. Онъ дѣйствуетъ здѣсь, конечно, по указаніямъ закона, и мы можемъ назвать опредѣленія закона объ уголовной отвѣтственности порядкомъ отношенія законодателя къ духовной личности преступника.

Предлагаемый трудъ не содержитъ въ себѣ полного освѣщенія этого порядка. При составленіи его авторъ думалъ только объ *общей структурѣ* уголовной отвѣтственности и, минуя подробности, искалъ отвѣта единственно на слѣдующіе три вопроса: 1) *Какъ широко изучаетъ законодатель духовную личность преступника?* 2) *Какимъ психологическимъ основаніемъ руководствуется онъ здѣсь?* и 3) *Насколько вѣрно это основаніе?*

2. Постановка такого *общаго* вопроса объ уголовной отвѣтственности почерпнута авторомъ изъ интересовъ науки уголовного права нашихъ дней. Современная наука уголовного права представляетъ горячій споръ межъ криминалистами классиками, опирающимися на данныя

положительнаго права, и криминалистами-новаторами, ищущими болѣе или менѣе радикальной ломки установленнаго и «устарѣлаго» порядка уголовной юстиціи. Со стороны послѣднихъ классической доктринѣ брошенъ тяжелый упрекъ въ томъ, что она уже перестала служить дѣлу жизни, довольствуется отжившимъ представленіемъ о свободѣ воли и считается не съ живой личностью преступника, а съ отвлеченнымъ понятіемъ преступленія. Новаторы въ особенности настаиваютъ на послѣднемъ и указываютъ дѣйствующему порядку на необходимость строго - детерминистическаго обоснованія вѣщенія, при которомъ уголовное правосудіе обратится къ живой личности преступника и будетъ представлять борьбу съ тѣми причинами, которыя натолкнули субъекта на путь преступленія.

Къ чему бы ни сводился этотъ споръ, несомнѣнно одно: онъ касается не отдѣльныхъ вопросовъ уголовной отвѣтственности, а общей структуры ея, требуя выясненія того, каково должно быть общее отношеніе законодателя къ личности преступника.

3. Избравъ предметомъ своего изслѣдованія этотъ спорный въ наше время вопросъ, авторъ долженъ былъ прежде всего изложить разработку его въ наукѣ уголовного права.

Здѣсь мы обратили вниманіе на то, что разногласіе, волнующее криминалистовъ нашихъ дней, до извѣстной степени было знакомо уже спору Фейербаха и Грольмана. Первый изъ нихъ можетъ быть названъ представителемъ классической доктрины уголовного права, второй долженъ быть сравниваемъ скорѣе съ современными сторонниками «новыхъ направленій». Хотя этотъ давній споръ

и не имѣть непосредственнаго отношенія къ настоящему, однако мы считали необходимымъ изложить его, ибо многіе рѣшавшіеся тогда вопросы поднимаются и въ наше время.

Съ той поры основныя положенія Фейербаха, на которыхъ онъ строилъ свою теорію, господствуютъ въ наукѣ уголовнаго права. Такъ продолжалось почти до послѣдняго времени, когда Грольмановское ученіе получаетъ новое обоснованіе въ трудахъ антрополого-криминалистической школы. Едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что догмы этой школы въ значительной степени поколеблены въ послѣдніе дни и что число послѣдователей ея не велико. При всемъ томъ мы считали необходимымъ остановиться и на этомъ ученіи, такъ какъ оно имѣло несомнѣнное вліяніе на современное состояніе науки уголовнаго права.

Поколебленная въ своихъ выводахъ антрополого-криминалистическая школа оказалась болѣе сильной въ своей критикѣ дѣйствующаго порядка уголовной юстиціи и въ стремленіи дать детерминистическое обоснованіе уголовному вмѣненію, при обращеніи наказанія на борьбу съ причинами преступленія. Эта сторона ученія антрополого-криминалистовъ заинтересовала науку уголовнаго права, вызвала къ жизни новыя теоріи и оживила старый споръ Фейербаха и Грольмана, разъединивъ современныхъ криминалистовъ на криминалистовъ-классиковъ и криминалистовъ-новаторовъ. Первые именуются иногда сторонниками «теоріи преступнаго дѣйствія», вторые — поборниками ученія о «личномъ состояніи преступности». Изложеніемъ этого послѣдняго разногласія мы и заканчиваемъ обзоръ относящихся къ нашему предмету теорій.

4. Пытаясь, затѣмъ, разрѣшить помянутый споръ, мы должны были поставить три вышеуказанныхъ вопроса (см. п. 1), въ которыхъ обращаемся къ изученію положительнаго права и къ помощи психологіи.

Само собой разумѣется, что уясненіе отношенія законодателя къ личности преступника есть первая задача какъ того, кто ищетъ поддержать основы дѣйствующаго порядка, такъ и того, кто занять ихъ преобразованіемъ; и намъ нечего объяснять, почему мы прежде всего интересовались самымъ тщательнымъ изученіемъ положительнаго права.

Другое дѣло—обращеніе къ психологіи, что является уже выходомъ изъ предѣловъ строго-юридическаго изслѣдованія. Намъ думается, однако, что такой выходъ неизбеженъ и наука уголовного права всегда допускала или предполагала его. Уже съ первыхъ проблесковъ научнаго изученія уголовного права криминалистъ занялъ оцѣнкой психологическаго принципа уголовной отвѣтственности, стараясь рѣшить вопросъ о свободѣ воли. Современный споръ въ наукѣ уголовного права начинается именно съ этого пункта, и поборники реформъ прямо указываютъ на то, что они ищутъ радикальной ломки дѣйствующаго порядка во имя детерминистическаго обоснованія уголовной отвѣтственности. При такомъ положеніи вещей мы нисколько не уклоняемся отъ принятаго въ наукѣ пути, желая съ своей стороны найти оцѣнку психологическаго воззрѣнія законодателя. Естественнo при этомъ, что такая оцѣнка не можетъ быть сдѣлана безъ помощи психологіи, къ которой поэтому мы и обратились.

5. При изложеніи вышеуказаннаго содержанія нашего труда (см. п. 3, 4), пришлось избрать слѣдующій порядокъ:

а) Вначалѣ мы излагаемъ и оцѣниваемъ ученіе Фейербаха и Грольмана и ихъ споръ (Отдѣлъ I). Такъ какъ въ этомъ спорѣ обѣ стороны, — въ особенности Фейербахъ, — старались имѣть въ виду данныя положительнаго права, то намъ казалось умѣстнымъ обратиться вслѣдъ затѣмъ къ изученію положительнаго права, дабы рѣшить по его указаніямъ первые два изъ поставленныхъ нами выше (см. п. 1) вопросовъ (Отдѣлъ II).

б) Переходя затѣмъ къ третьему вопросу, — къ оцѣнкѣ психологическаго воззрѣнія законодателя, — мы прежде всего старались изложить и взвѣсить основныя положенія: антрополого - криминалистической школы (Отдѣлъ III), затѣмъ — теоріи «личнаго состоянія преступности» и доктрины классической школы, въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ ея представителей (Отдѣлъ IV). Въ противоположность построеніямъ Фейербаха и Грольмана, названныя ученія имѣютъ въ виду не столько данныя положительнаго права, сколько ихъ основаніе, — психологическое воззрѣніе законодателя, которое они и оцѣниваютъ.

в) Разсмотрѣніе предлагаемыхъ ими рѣшеній привело насъ къ тому выводу, что въ основаніи каждой изъ указанныхъ доктринъ лежитъ опредѣленная психологическая теорія; поэтому мы почли необходимымъ сначала изложить эти теоріи, а затѣмъ остановиться на той, которая кажется намъ болѣе вѣрной (Отдѣлъ V).

г) По достиженіи этой цѣли, мы получили возможность сомкнуть начало и конецъ нашего труда, представивъ краткій отвѣтъ на всѣ поставленные нами вопросы. (Заключеніе).

ОТДѢЛЪ I.

Уголовная отвѣтственность и ея психологическое основаніе
по ученію Фейербаха и Грольмана.

Конецъ 18-го и начало 19-го ст. памятнымъ наукамъ уголовного права интереснымъ споромъ двухъ извѣстныхъ криминалистовъ Германіи, Фейербаха и Грольмана. Предметомъ ихъ спора, который заинтересовалъ тогдашній ученый міръ, былъ вопросъ о наказаніи, и именно вопросъ о томъ: есть ли наказаніе *мѣра общаго предупрежденія* преступленія, сдерживающая отъ впаденія въ преступленіе большинство членовъ даннаго общества, или наказаніе — *мѣра спеціальнаго предупрежденія* преступленія, имѣющая цѣлью обезопасить общество отъ даннаго именно преступника? Рѣшая этотъ вопросъ, Фейербахъ и Грольманъ рѣшали и другой, въ немъ заключенный, — вопросъ *объ отношеніи уголовного права къ личности преступника*. Здѣсь ихъ споръ имѣетъ отношеніе къ нашей темѣ, и мы постараемся изложить возможно подробнѣе какъ ученіе Фейербаха и Грольмана, такъ и ихъ разногласіе.

ГЛАВА I.

Ученіе Фейербаха ¹⁾.

1. Какъ учить простой опытъ, разсуждалъ Фейербахъ, понятіе наказанія указываетъ на представленіе о страданіи,

¹⁾ Feuerbach, Revision der Grundsätze und Grundbegriffe des positiven peinlichen Rechts, I Theil, 1799; его же Lehrbuch; см. также изложеніе ученія Фейербаха у Нерпъа, Darstellung und Beurtheilung der deutschen Strafrechts-Systeme, 2 Abt. 1814.

неминуемо слѣдующемъ за совершеніемъ преступленія: *malum passionis ob malum actionis*. Это представленіе мы переносимъ на несчастія отъ естественныхъ силъ природы и на судъ Божій, одинаково разумѣя здѣсь подъ словомъ «наказаніе» тѣ или другія тягостныя послѣдствія извѣстнаго поступка (*Revision*, стр. 1—4).

Такимъ образомъ, «объектъ наказанія—совершенное дѣяніе; ближайшее основаніе примѣненія кары—лежащій въ прошломъ фактъ нарушенія закона. Не въ интересахъ будущаго карается субъектъ; онъ несетъ наказаніе исключительно потому, что совершилъ преступленіе или потому, что является причиной такихъ дѣяній, которыя сами заключаютъ въ себѣ условія для наложенія страданія». (*Revision*, стр. 5). «Онъ заслужилъ свое, говоримъ мы въ такихъ случаяхъ; и говоря такъ, имѣемъ въ виду нарушенный законъ, попранную и требующую удовлетворенія справедливость. И даже если бы было совершенно очевидно, что преступника не исправитъ никакое наказаніе, или онъ совсѣмъ не нуждается въ исправленіи, это обстоятельство ничуть не повліяло бы на наше сужденіе объ умѣстности въ данномъ случаѣ наказанія, и мы не попрекнули бы государство въ томъ, что оно, преслѣдуя за нарушеніе закона, налагаетъ наказаніе на того, кто не можетъ быть сдержанъ этимъ отъ дальнѣйшихъ преступленій, или представляетъ полное ручательство въ томъ, что впредь не совершитъ никакихъ нарушеній» (*ib.*, стр. 10). «Основаніе наказанія лежитъ въ наличности совершеннаго преступленія, и это представленіе такъ тѣсно связано со всѣми нашими понятіями, что не нуждается ни въ какомъ доказываніи» (*ib.*, стр. 13).

2. Первый выводъ изъ сказаннаго—разграниченіе наказанія отъ мѣръ воспитанія и дѣятельности по предупрежденію преступленія.

«Воспитаніе имѣетъ въ виду не только отрицательныя цѣли удержанія дѣятеля отъ нарушеній, но и положительныя, опредѣленіе его къ закономѣрной жизни. И мѣры воспитанія вызываются фактомъ содѣянія или упущенія; но этотъ фактъ играетъ здѣсь роль не столько основанія, сколько случайнаго обстоятельства, указывающаго на необходимость перевоспитанія. Преступленіе, рассматриваемое съ этой точки зрѣнія, является симптомомъ преступности, выдаетъ или открываетъ наличность преступной воли, которую и надо устранить; и такъ какъ физическое зло лишенія способно вызвать желанное, то мы и прибѣгаемъ здѣсь къ нему, какъ къ средству обузданія опасныхъ наклонностей. Что же касается собственно основанія такой реакціи, то оно лежитъ отнюдь не въ фактѣ нарушенія, а въ будущемъ поведеніи субъекта, которое отнынѣ должно быть направлено къ закономѣрнымъ цѣлямъ. Представляется это несбыточнымъ, и исправленію нѣтъ мѣста. Наказаніе же имѣетъ примѣненіе и къ такимъ случаямъ, безъ всякаго отношенія къ исправимости субъекта, и всякъ признаетъ нарушителя закона достойнымъ кары, будь даже несомнѣнно, что исправленіе при этомъ немислимо» (ib. стр. 14—15).

Наказаніе не есть также и предупрежденіе преступленія, ни въ тѣсномъ смыслѣ прекращенія начавшагося нападенія, ни въ смыслѣ отнятія у человѣка на будущее возможности совершать преступленія. Въ послѣднемъ многіе изслѣдователи открываютъ существо наказанія. Съ такой точки зрѣнія за наказаніемъ признается уже только

отрицательное вліяніе на личность, и въ этомъ отличіе исправленія преступника отъ предупрежденія преступности (ib. стр. 22). Сходство же ихъ въ томъ, что какъ тамъ, такъ и здѣсь моментъ преступнаго дѣянія имѣетъ значеніе лишь показателя или обнаруживателя преступности. Конечно, замѣчаетъ Фейербахъ, нельзя отрицать за оскорбленнымъ права противостоять возможности будущихъ нарушеній со стороны преступника, но это право отнюдь не уголовное (ib. стр. 21).

3. Принципы наказанія, — *malum passionis ob malum actionis*, — составляетъ, однако, основаніе и моральнаго воздаянія, и многіе изслѣдователи не различаютъ нравственности и права (ib. 24). Но такое смѣшеніе не можетъ быть оправдано.

«Нарушеніе разсматривается какъ преступленіе уже тогда, когда оно противорѣчитъ только внѣшнему закону поведенія человѣка въ обществѣ; оно почитается безнравственностью, если нашему суду подлежитъ не одна внѣшняя сторона поступка, но и внутреннія побужденія дѣятеля, его настроеніе (*Gesinnung*)» (ib. стр. 27).

Но не разрушаются ли этимъ доводомъ всякія попытки выясненія самостоятельной природы наказанія, какъ *malum passionis ob malum actionis*? Вѣдь такъ, пожалуй, за наказаніемъ останется одинъ лишь смыслъ отмщенія! (ib. стр. 36).

4. Фейербахъ противъ такого заключенія, и, удерживая цѣлесообразную природу репрессіи, пытается вывести ее изъ структуры наказанія, какъ *malum passionis ob malum actionis*.

«Безъ сомнѣнія, разсуждаетъ Фейербахъ, основаніе наказанія лежитъ въ правѣ государства на охрану безо-